

Ноги подогнулись, и я рухнул на колени.

Неужели больше нет ни одного, черт возьми, нормального человека? Ни одного?!

Я не мог сдержать слез; разочарование и отчаяние захлестнули меня, пока тело миссис Грэм содрогалось в конвульсиях позади. Казалось, она из последних сил цепляется за жизнь.

– Милый...

Лила подошла ко мне так, словно раненым зверем был *я*. Будто я был ребенком, потерявшим собаку.

Я ненавижу это.

Она присела и обняла меня; ее теплое прикосновение вытесняло печаль эффективнее, чем я готов был признать. Я рыдал у нее на плече, как последний слабак.

Это уже, наверное, сотый раз. Ну и неудачник же я.

Я обнял ее в ответ, содрогаясь от рыданий. Было странно, что на нее все это совершенно не действовало. Может, она сдерживалась?.. Чтобы быть сильной ради меня?

Или ей было просто плевать.

Лила положила подбородок мне на плечо, сжимая объятия. В этот раз я не отстранился. Просто позволил этому быть.

Я понял, что такие объятия были нам обоим необходимы уже очень давно.

– Теперь ты в безопасности, любовь моя. Мы в безопасности.

Ее голос был ровным – слишком ровным.

Прежде чем я успел что-то ответить...

Из горла миссис Грэм вырвался влажный хрип.

Мы оба обернулись.

Она лежала на полу, скорчившись; кровь медленной, пульсирующей рекой вытекала из дыры в ее шее. Дыхание было прерывистым, сиплым. Пальцы дергались, пытаясь ухватиться за пустоту.

А затем...

Смех.

Тонкий, надломленный, булькающий смех, от которого у меня все тело заледенело.

– Ты... – выдавила она, кровь вспенилась в уголке рта, – ты там и секунды не протянешь.

Ее взгляд был устремлен на меня. Не на Лилу. В горле встал ком.

– Либо ты сдохнешь от этих ебанутих снаружи... – прохрипела она, и каждое слово дрожало от болезненного веселья, – ...либо она тебя прикончит.

Эти слова буквально выжгли меня изнутри. Похоже, никакой Лиги Плюща мне не видать, да?

Я почувствовал, как руки Лилы напряглись. Почувствовал, как ее тепло превратилось в нечто совершенно иное.

Ее взгляд стал ледяным.

– Лила...

Она поднялась, вскинула пистолет и всадила еще две пули в грудь своей матери. У меня заложило уши. Теперь с ней точно было покончено.

В комнате воцарилась тишина, пока всё произошедшее отпечатывалось в моем мозгу.

– Лила, я...

– Давай прокатимся, а?

Слова застряли у меня во рту, когда Лила повернулась ко мне. Ее лицо было приветливым – почти счастливым. Я не мог этого понять.

Спустя несколько мгновений мы уже сидели в Гелендвагене ее матери – том самом, на котором меня забрали из полицейского участка в ту ночь. В салоне всё так же пахло кожей. Дорогой. Пафосной. В духе семейки Грэм.

На меня накатила волна горькой ностальгии, когда Лила нажала кнопку и двери разблокировались с мягким, жизнерадостным перезвоном, которому совсем не было места в этом кошмаре.

Она скользнула на водительское сиденье так привычно, будто делала это тысячу раз. Я же рухнул в свое кресло, чувствуя себя постаревшим на пятьдесят лет.

Еще одно нажатие – и ворота гаража с рокотом поползли вверх.

И Хайд-Парк – просторный, тихий, претенциозный Хайд-Парк – предстал перед нами в извращенном виде.

И всё это произошло всего за сутки с небольшим.

Головы на кольях, лица застыли в беззвучном крике.

Изуродованные тела, брошенные, словно мешки с мусором.

Разбитые или перевернутые машины, окна зияют осколками, как зазубренные пасти.

А на стене дорогого таунхауса выведено красным:

«Бог оставил нас».

У меня все внутри оборвалось. Было больнее, чем я хотел признавать.

Будто это написали специально для меня.

Улицы всё еще напоминали город-призрак.

Если не считать *их*.

Группа зараженных сгрудилась вокруг чего-то... или кого-то.

Хруст. Чавканье. Рваные звуки. Доносящийся до нас хохот: они пытались себе подобного.

От одних только звуков у меня перехватило дыхание.

Я отвернулся, глядя в свои колени и заклиная мозг заткнуться. Я увидел достаточно на всю оставшуюся жизнь.

Я перевел взгляд на Лилу, которая всё это время что-то напевала под нос.

– Куда мы едем?

Лила улыбнулась, не глядя на меня; ее пальцы выбивали ритм на руле в такт мелодии.

– Это секрет.

Мы подкатили к Музею науки и промышленности Гриффина, шины Гелендвагена хрустели по битому стеклу и мусору. Здание возвышалось над хаосом, как какой-то массивный реликт. Оно казалось нетронутым на фоне окружающего безумия. Ну, почти.

– Приехали!

Лила едва не подпрыгивала на сиденье. Ее поведение разительно контрастировало со всем, что нас окружало.

Меня это не особо заинтересовало – какой-то музей посреди апокалипсиса...

Но сам жест?

Да... это меня немного тронуло.

Глупо.

Я не был здесь с той ужасной школьной экскурсии в средних классах, когда сопровождающие потеряли двух учеников и делали вид, что всё в порядке.

Кто же знал, что в следующий раз я окажусь здесь, когда мир превратится в катастрофу?

Мы свернули на главную парковку.

Музей всё-таки пострадал. В дальнем конце одна из гигантских стеклянных панелей была вдребезги разбита внутри – острые края ловили свет, словно зубы.

По каменным ступеням тянулись длинные, отчаянные полосы крови.

Опрокинутая детская коляска лежала на боку у входа, ее колеса всё еще медленно покачивались от ветра.

Кто-то распорол один из металлических мусорных баков, смяв его, как алюминиевую фольгу.

Но по сравнению с остальным районом, это был просто рай.

Лила перевела машину в режим парковки и с улыбкой отстегнула ремень.

– Идем, я хочу тебе кое-что показать.

«Кое-что показать?»

Я вздохнул, последовав ее примеру, и нехотя вышел следом. Безопасно ли вообще сейчас находиться на улице?

Лила толкнула двери музея, и первым делом меня поразила тишина –

густая, неподвижная, почти мирная.

Наши шаги гулко отдавались от мраморного пола. Пылинки плясали в тонких лучах света, пробивающихся сквозь потолочные окна, отчего всё вокруг казалось... как-то мягче.

Спокойнее.

Я всё ждал, что на нас кто-нибудь выскочит –

зараженный, изуродованный труп, что угодно...

Но вместо этого Лила схватила меня за рукав, как ребенок, тащащий друга на аттракционы.

– Ну же, ты идешь так, будто на собственные похороны, – засмеялась она, потянув сильнее. – Это не страшно. Обещаю.

Ее голос – легкий, почти музыкальный – был первым звуком за весь день, который не казался пропитанным кровью.

Мы свернули в коридор, увешанный плакатами старых выставок.

Роботы. Космические челноки. Динозавры.

Лила шла вприпрыжку, ее волосы покачивались, и она снова что-то мурлыкала себе под нос.

Будто мир снаружи не развалился на куски.

Будто это не та самая девушка, которая только что всадила две пули в свою мать.

Наконец она остановилась перед тускло освещенным залом.

– Это, – сказала она, не в силах скрыть улыбку, – было моим любимым местом в детстве.

Она щелкнула выключателем.

Зал озарился светом –

вокруг нас закружились звезды, на стенах расцвели светящиеся созвездия.

Крошечные планеты свисали с потолка, ловя свет, словно парящие драгоценные камни.

Проекция Млечного Пути развернулась прямо под нашими ногами.

Это была космическая экспозиция.

Детская.

С игрушечными шлемами астронавтов, пазлами-созвездиями и гигантской моделью Солнечной системы, медленно вращающейся в центре.

Но сейчас?

Сейчас это выглядело волшебно.

Лиля вышла в центр зала, разок покружившись под медленно плывущими планетами.

Здесь она казалась мягче.

Меньше.

Словно апокалипсис не коснулся этой части ее души.

– Я умоляла папу привозить меня сюда каждые выходные, – сказала она, и ее улыбка стала ностальгической. – Я садилась прямо под Сатурном и представляла, что он присматривает за мной. Глупо, да?

Я покачал головой прежде, чем успел сообразить.

– Нет. Это... на самом деле довольно круто.

Она просияла – по-настоящему – и на секунду перестала быть той непредсказуемой, резкой девчонкой, тащившей меня сквозь хаос.

Она была просто Лилей.

Девочкой, которая любила звезды.

Она села под вращающимися планетами и похлопала по месту рядом с собой.

– Присядь со мной, Эдриан. Ты заслужил хотя бы каплю спокойствия сегодня.

Я помедлил.

А потом сел.

Планеты тихо гудели над головой, вращаясь по своим бесконечным орбитам.

Лили положила голову мне на плечо, и ее тепло передалось мне.

Впервые с тех пор, как всё пошло прахом, у меня в груди что-то отпустило.

И на мгновение –

всего лишь на короткое, хрупкое мгновение –

показалось, что мир вовсе не подходит к концу.